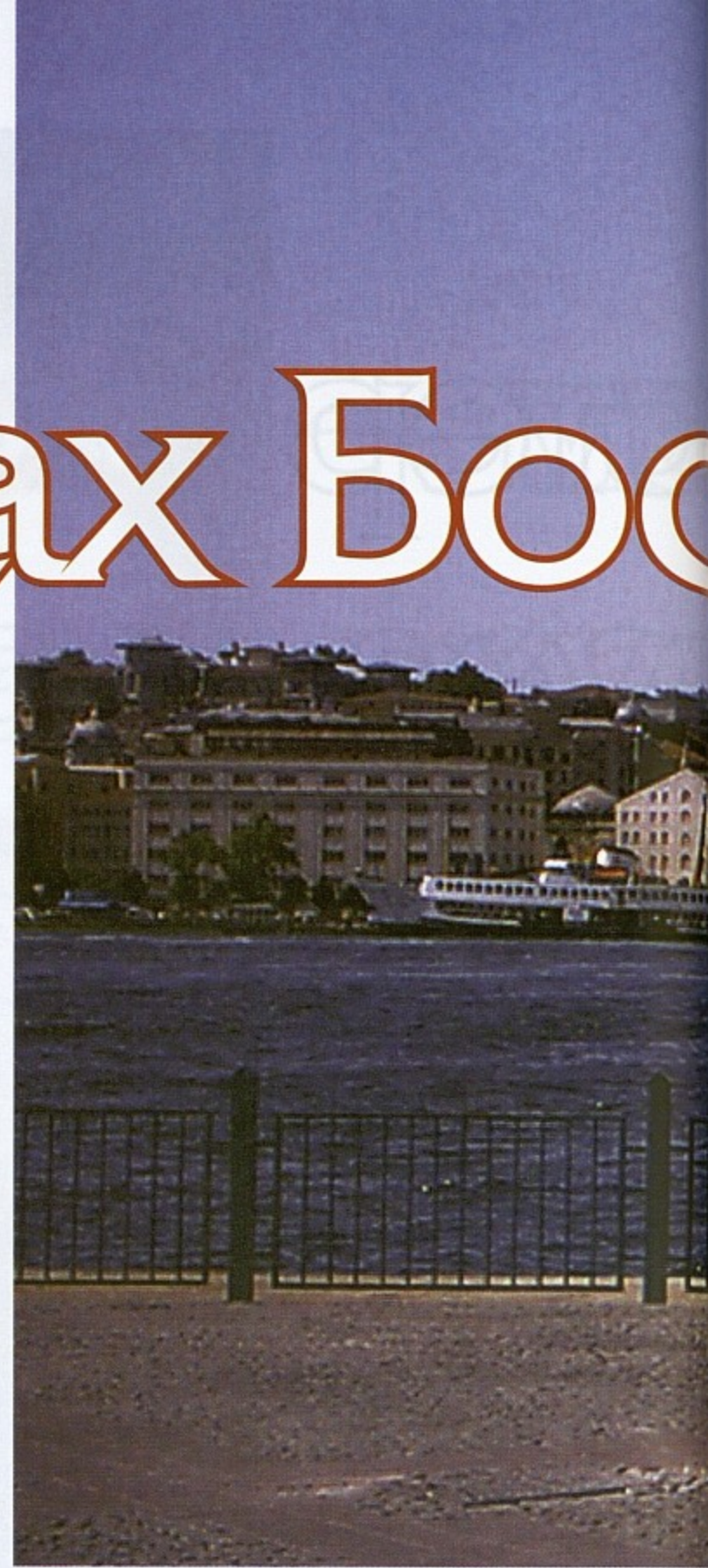

На берегах Бос

*Б.М. СЕРГЕЕВ,
старший преподаватель
кафедры рисунка*

Года два тому назад нам позвонили из Москвы от только что созданного фонда памяти К.Н. Леонтьева и предложили создать мемориальную доску его памяти для Стамбула, где он когда-то служил консулом в Османской Империи. Многим из нас это имя мало что говорит, а, между тем, это был человек, которым Россия должна гордиться, ибо он был, как теперь написано на этой бронзовой доске: «Великий русский мыслитель, писатель, дипломат». Имя К.Н. Леонтьева Россия открывает для себя заново, и мысли многие его, к сожалению, актуальны для нас, ибо те беды, о которых предупреждал тогда, в семидесятых годах XIX века, Леонтьев, настигли нас ныне, и если все же не прислушаются к тем

словам, что писал он больше 100 лет назад, то вряд ли что хорошего будет для России, да и для мира в целом. Так, после долгих согласований текста для доски в МИДе, а портрет был вылеплен сразу, потому что лепить такого красивого во всех отношениях человека было большим удовольствием, наконец, была отлита доска в бронзе и отправлена в Москву для доставки с дипломатическим грузом в Стамбул. И мы, авторы, я и скульптор О.Н. Панкратова, следом также вылетели туда же для установки доски уже на месте.

Самый конец мая 2006 года, 29-е число, Стамбул, +35. Здесь, в районе, в старину называемом Галата, на улице Истиклал (Пера), где всегда селились европейцы, находится здание Императорского российского

посольства, а ныне Генерального консульства РФ, построенного в тридцатых годах XIX века, где на стене, при входе, и должна была быть установлена доска. Переночевали в типичном европейском отеле, с одинаковым везде завтраком на «шведский», как у нас говорят, манер, и поднимаемся по щелям улиц вверх, к консульству. Нас уже ждут, здороваемся, обнимаемся с уже знакомыми по прошлому году сотрудниками (тогда мы рисовали здесь с балкона замечательный вид на Босфор и султанский дворец по просьбе нашего посла), а турецкие рабочие уже приготовили инструмент сверлить стену. Начинаем примерку, намечаем, где сверлить дырки для установки, и часа через два уже подходим к доске, чтобы взять и повесить на стене, но отдергиваем руки. На солнце бронза нагрелась так, что пришлось поливать ее водой, и только когда пар и шипение прекратились, смогли взять и установить памятную доску на месте. Отошли, посмотрели, вроде получилось. Теперь можно погулять, открытие завтра, и мы, помывшись, спешим по мосту через Золотой Рог

О Константине Леонтьеве

Фора

к храму Св. Софии, построенному в 535 году при императоре Юстиниане Великом, что виднеется на другой стороне. Открывшаяся перед нами панорама заставляет замедлить шаг, схватиться за фотоаппараты. Сколько раз я видел уже это, но всякий раз замираешь от восторга увиденного вновь великого города на Босфоре. 1000 лет он был столицей Восточной Римской империи, глупо названной Византией в XVII веке, хотя сами они называли себя ромеями (да и мы ведь не называли себя москвитами, хотя европейцы нам кличку такую и цепляли). Затем 500 лет был он, сменив веру, уже Стамбулом, впрочем, не теряя и своего прежнего имени — Константинополь, но также столицей, только уже Османской империи; а ныне это самый крупный город Турции с населением где-то в 16 млн человек. Пароходики пересекают Золотой Рог по всем направлениям, из-за чего его зеленоватая вода в постоянном движении, с минаретов слышен эзан, призыв правоверных к молитве, запах жареной рыбы, которая здесь необычайно вкусна, и через апофеоз торговли мы уже торопимся вверх

по улице вдоль трамвайных путей. Проходим слева стены акрополя, справа видим мечети на месте древних византийских построек, лавочку Али Бабы, с которым познакомились в прошлый раз, битком набитую всякой всячиной. Жена Али Бабы русская, вместе торгуют, а сам он прямо как из турецкой сказки. На полминуты спускаемся в лавочку поздороваться, убеждаемся, что все в порядке и, наконец, слева перед нами за углом — громада Великой Церкви, как именовали Софию в старину; покупаем билеты, проходим турникеты при входе и... Каждый раз, попадая сюда, в Святую Софию Константинопольскую, вспоминаются восторженные слова Булгакова из дневника, посвященные этому храму, когда он, изгнанный из России Лениным, впервые увидел это зримое чудо — соединение православной идеи с эллинской мыслью. Это то наше «всё», без чего не было бы ни великого Русского государства, ни великой русской культуры. Как писал К.Н. Леонтьев: «Византизм организовал нас, система византийских идей создала величие наше, сопрягаясь с нашими патриархальными, просты-

ми началами, с нашим ещё старым и грубым вначале, славянским материалом. Изменяя, даже в тайных помыслах наших, этому византизму, мы погубим Россию. Ибо тайные помыслы рано или поздно могут найти себе случай для практического выражения». Как же это всё правильно и как ужасно сбылось, а слова эти были написаны в 1873 году в Константинополе, в знаменитой и провидческой работе «Византизм и славянство», отрывки из рукописи которой К.Н. Леонтьев читал как раз в здании посольства, где теперь, только что, мы установили доску его памяти. В этой же работе Леонтьев предвидел начинающееся усреднение и обезличивание наций и государств, то кошмарное явление, что сейчас названо глобализмом. Он, как прекрасно описал в своей работе, посвященной К.Н. Леонтьеву, преподающий у нас в РГПУ профессор А.А. Корольков, увидел признаки разложения европейской цивилизации на десятилетия раньше знаменитого О. Шпенглера с его «Закатом Европы», но его голос провидца был гласом в пустыне, ибо идея византизма была не в моде во

время торжества нигилизма и примитивного материализма.

Константин Николаевич Леонтьев (1831-1891 гг.)

Эпикурец, красавец, эстет, дипломат, писатель, провидец, монах: он не укладывался ни в какие партийные рамки своими независимыми мыслями, и либералы считали его реакционером, а представители правого крыла пугались его своеобразия мыслей.

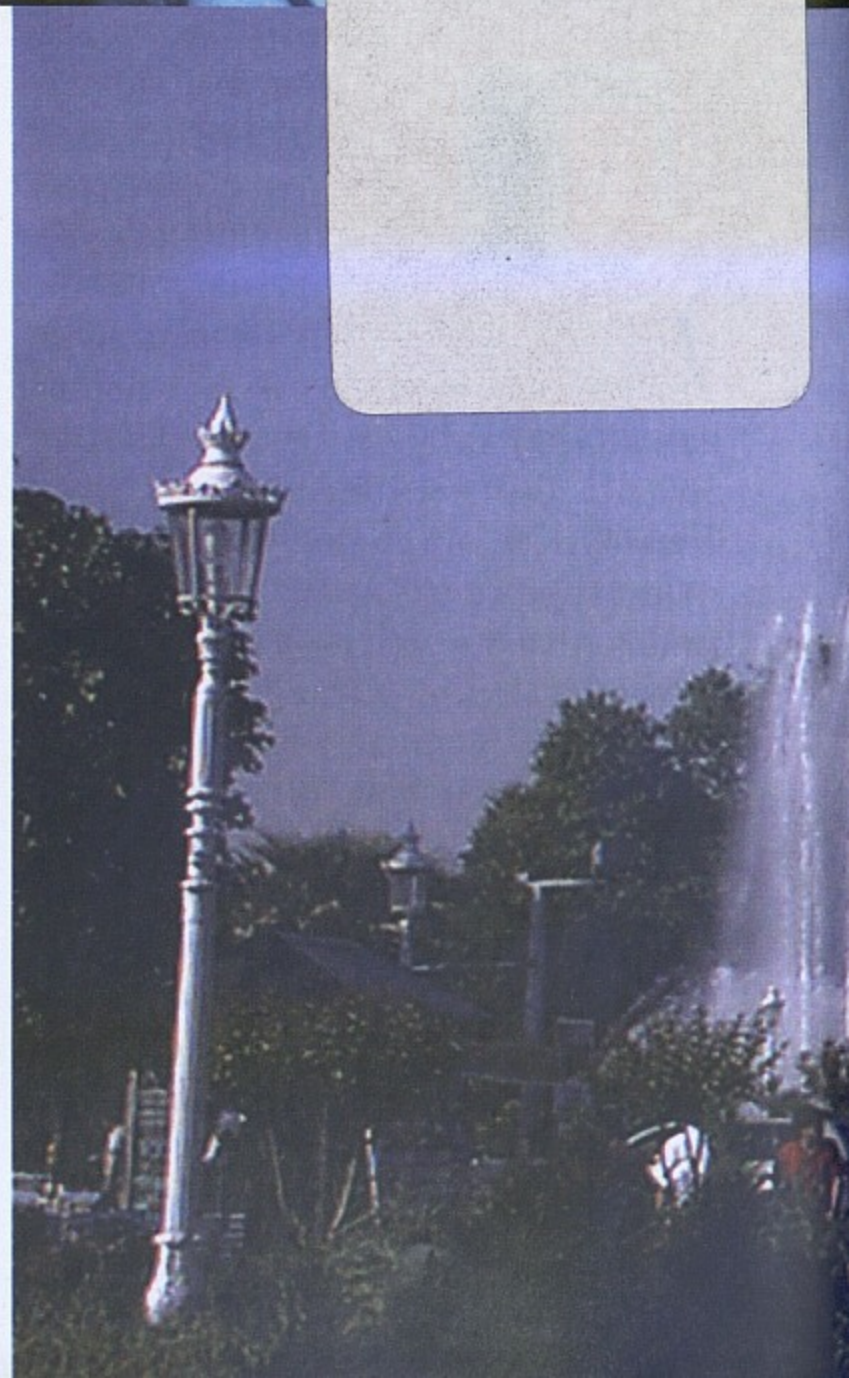
В советское время Леонтьев был забыт по причине неправильности и «реакционности». Нам же он вновь стал современник, ибо слишком многое, о чём он предупреждал в своё время, ныне стало сбываться.

Хочется представить несколько отрывков из его работы «Византизм и славянство»: «Идея всечеловеческого блага, религия всеобщей пользы — самая холодная, прозаическая, и самая невероятная, неосновательная из всех религий. Во всех положительных религиях, кроме огромной поэзии их, кроме необычайно организующей мощи, есть нечто реальное, осязательное. В идее всеобщего блага реального нет ничего»... «Везде ослепление фаталистическое, непонятное! Везде реальная наука и везде ненаучная вера в уравнилельный и гуманный прогресс»... «Ясно одно: Европа в XIX веке переступила за роковые 1000 лет государственной жизни. Что же случилось с ней? Повторяю, она вторично смешалась в общем виде своём, составные части её стали против прежнего гораздо сходнее, однообразнее, и сложность приемов прогрессивного процесса есть сложность, подобная сложности какого-нибудь ужасного патологического процесса, ведущего шаг за шагом сложный организм к вторичному упрощению трупа, остова и праха! Вместо организованного разнообразия больше и больше распространяется разложение и однообразие!» Повторяю, как это все верно и актуально ныне. Пишу это с сожалением, ибо безумие цивилизации, отделенной от культуры, ведет только к катастрофе. Иного трудно ожидать от дикаря, хотя и

употребляющего шампунь и бритву с тройными лезвиями, пользующегося банковской карточкой, знающего, как рассчитать полет ракеты, и все же дикаря, воспитанного на телевизоре, модном чтиве, да шоу, понятия не имеющем о великой литературе, великом искусстве, великой музыке. Да, он заходит в храм, держит свечи, но Бог для него нечто вроде шефа в офисе, строгого, но можно договориться: «ты мне — я тебе». И беда эта началась не во времена Н.К. Леонтьева. Как сказал мне в нашей беседе выдающийся русский ученый из Новосибирской АН, академик В.П. Казначеев, беда началась при Декарте с отделения просто физики от метафизики, и цивилизация стала развиваться только в техническом, механическом аспекте, где вопросы нравственные, духовные оказались на втором плане. И ныне мы пожинаем эти плоды в виде безнравственных, «амбициозных» проектов вроде идиотского небоскреба Газпрома, уничтожающего, искажающего духовные доминанты нашего города, замещающего самые высокие здания храмов Бога на высоченное и наглое, как наши нынешние олигархи, капище денежного мешка, столь родное для наших правителей, маразматической по архитектуре новой сцене Мариинского театра, преступной с точки зрения как экологической, так и градостроительной засыпке западной части Васильевского острова. Пришел человек с РУБЛЕМ, и не знаешь, что страшнее, чем когда он был с ружьем. Все это — Леонтьев, Византия, Россия — теснились в мыслях потом, а пока же мы стояли и не могли уйти из Софии, где, казалось, ты растворяешься в невероятной гармонии объема, колонн, дивного мрамора стен, пола, красоты мозаик, узора капителей и царственного купола над нами. Как хорошо, что здесь теперь уже музей, а не мечеть, хотя и висят печатями завоевания огромные кожаные щиты с именами халифов, но кресты

просвечивают сквозь штукатурку и зримым свидетельством единения Бога и человека сияет в конхе алтаря дивная мозаика работы монаха Лазаря, жестоко пострадавшего от иконоборцев в IX веке, изображающая Богородицу с Младенцем на троне. Но пора идти, уже закрывается музей, темнеет, и должны приехать на открытие члены Леонтьевского фонда: В.А. Котельников из Пушкинского дома, а из Москвы К.А. Белова, преподающая в МГИМО и организовавшая всё это, и К.М. Долгов, написавший хорошую книгу о Леонтьеве «Восхождение на Афон».

Консульству были привезены в дар тома только что вышедшего соб-

рания сочинений К.Н. Леонтьева, их рукописи как раз готовил к изданию В.А. Котельников. Я видел леонтьевский почерк и могу сказать, что прочесть всё — был труд титанический. Мы все встретились уже утром 1 июня в здании консульства, где успели сделать небольшую выставку, посвящённую К.Н. Леонтьеву и, так как до открытия было несколько часов, все торжественно отправились опять к Софии.

В час дня во дворе консульства уже стояли сотрудники, наша маленькая делегация. Ждали министра С. Лаврова, который летел в Вену на переговоры по Ирану, но на открытие доски, посвящённой человеку, которого уважали и ценили в императорском МИДе, и так же сохранили эти чувства и в наше время, специально была сделана остановка в Стамбуле на несколько часов. Министр Лавров — высокий человек, знающий шесть языков, в сопровождении нашего посла в Турции П.В. Стегния и сотрудников быстро взобрал на невысокий помост; им были произнесены слова искреннего уважения к русскому мыслителю,

о современности его трудов, о значении леонтьевского наследия для России. Это же уважение и любовь звучали и в других выступлениях, и было радостно осознавать, что Леонтьев нужен, что он опять с Россией. А вечером, уже после отъезда С. Лаврова, был большой приём уже для турецкой общественности; и уже не на солнцепёке, как днём, а в блаженной тени, вновь звучали слова уважения, уже на двух языках, уважения к человеку, любившему и понимавшему Россию и Турцию. И бронзовый Леонтьев с доски смотрел на нас, надолго поселившись в Стамбуле и российском генконсульстве.

Мы стояли на галерее, окна были открыты, и вечерний город являл свою жизнь перед нами пением эзана с минаретов, огнями кораблей на Босфоре, светом зажигающихся ламп в окнах. А мы говорили о К.Н. Леонтьеве.

На фото: Стр. 112 — Авторы О. Панкратова, Б.Сергеев и глава МИДа России С. Лавров. Стр. 113 — Золотой Рог. Стр. 114 — Момент открытия. Стр. 115 — У Святой Софии. В.А. Котельников, О.Н. Панкратова, К.М. Долгов, К.А. Белова.

